



Активистка Вера Олейникова с плакатом / Фото: Валера Крот

17.03.2020, 15:20 Москва

свой опыт

Кровь, черепно-мозговая, тошнота: рассказ задержанной у ФСБ активистки

14 марта автора телеграм-канала «цветы для Володи» Веру Олейникову задержали во время пикетов против изменения Конституции и в поддержку политзаключенных на Лубянке. В отделе полиции «Китай-Город» к девушке применили силу, из-за чего она получила черепно-мозговую травму. Из больницы Олейникову выписали, как она считает, по указанию властей. ОВД-Инфо записал ее рассказ.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Днем [14 марта] задержали 50 человек, в том числе там был [правозащитник] Лев Пономарев, которого избili полицейские, и много моих знакомых, друзей и товарищей. Днем я не смогла приехать и в знак солидарности решила объявить пикетную очередь на Манежной площади — поддержать людей и выступить против поправок в Конституцию, за свободу политзаключенным.

[Когда] я пришла на Манежную площадь, там уже стояли нодовцы (активисты пропутинского Национально-освободительного движения — *ОВД-Инфо*), которые тоже решили резко пикетировать в восемь часов вечера. Мы ушли на Никольскую улицу и встали [с пикетом] там. Начался сильный снегопад, подошли уже человек 10, мы стояли с ребятами, общались, и нам пришла идея пойти к [зданию ФСБ на] Лубянке и устроить пикеты там.

За нами ходили все это время двое каких-то очень странных юных эшника (сотрудники Центра по противодействию экстремизму — *ОВД-Инфо*). Мне надоело, что они за нами ходят уже битый час, и я решила подойти, выяснить, почему они за нами ходят. Другие ребята услышали, что они общались по телефону, докладывали обстановку: «Их 20 человек, они стоят по очереди в пикете». Когда мы подошли, они стали материться, быковать на нас, предлагали выйти разобратся — мы были в подземном переходе.

Затем мы дошли до ФСБ, я решила встать в пикет. До этого постоял мальчик недолго, а я решила после него.

Встала с плакатом, на котором было написано «Лутин Пох». Сотрудники второго оперативного полка просто скрутили мне руки и затащили в автозак.

Я думала, отвезут меня в отдел, пробьют по базам и отпустят. Я бывала в отделах полиции. Но этот раз стал нонсенсом. Меня начали обыскивать в автозаке. Угрожали мне наручниками. Запрещали мне пользоваться телефоном. Это было не настолько сильно и жестко, как в отделе полиции потом, но и не настолько любезно, как это бывает обычно. Нашли у меня плакат с надписью «Мусора хуже говна». Начали до него докапываться. Я говорю: «Ребят, он лежал в рюкзаке». Они хотели его забрать, очень он им не понравился. «Почему вы про нас такие гадости пишете?» — спрашивают. Я отвечаю: «Почему вы решили, что это про вас? Я считала вас сотрудниками полиции, а не мусорами».

Тут в автозак завели второго человека, Васю, который встал в пикет в знак солидарности со мной, решил со мной завинтиться. Я безумно ему благодарна за это.

Сначала хотели везти нас в Троицк. Но потом решили ехать поближе — в отдел полиции «Китай-Город». Лучше бы уж мы поехали в Троицк.

Сидим на лавке, Васю отводят обыскивать и изымать все вещи. У меня пытаются телефон отобрать прямо в дежурной части. Говорят: «У вас есть право на один звонок». Я отвечаю, что ищу контакты, куда мне позвонить. Начинают мне руки выкручивать.

Васю досмотрели, забрали у него все вещи, отвели его в камеру. Меня отводят в кабинет. На меня сразу начал орать молодой мент Александр. Он орал, чтобы я вещи все отдала и пошла в камеру, иначе они будут применять физическую силу. Они матерились, такие вещи говорили, что моему уму непостижимо. «Вы отказываетесь выполнять законные требования сотрудников

полицейской?» — твердят. Я говорю, что не отказываюсь, а требую привести двух понятых и правозащитника, который у входа в отдел стоит. А они опять: «Вы отказываетесь? Вы отказываетесь?» Минуты три они со мной быковали, а я просто хотела соблюдения своих прав.

«Знаете, мы все равно сделаем все, что нам надо», — и начинают мне скручивать руки, заламывать, скручивать меня. Там было пять сотрудников. Один всё из рюкзака доставал, другая, женщина, с меня потом шнурки снимала, задирая ноги мои. Еще был вот этот самый неадекватный Александр. Я такой неадекватности, честно говоря, не видела. По глазам видно, что у человека не все в порядке. Начали мне заламывать руки, а корпусом давили на лицо, я стала задыхаться. Боль невыносимая, когда тебе руки за спину заламывают. Там стояли стулья в кабинете, в какой-то момент меня повалили на них и я ударилась об стену затылком. Я бы не сказала, что я сопротивлялась, скорее просто не понимала, что происходит.

Мне застегнули наручники. Я старалась поглядывать на свои вещи, а то вдруг там окажутся пять килограмм героина внезапно. У меня началась паническая атака, я начала задыхаться и реветь — из-за морального и психологического давления, неприятная ситуация, я не ожидала этого. Я знаю, что у нас происходит в отделах полиции, но я не ожидала, что это произойдет со мной сегодня, когда я стояла в пикете и вежливо, культурно с ними разговаривала, между прочим.

И вот я сижу с наручниками на руках за спиной и чувствую, что руки мокрые. Пытаюсь развернуть свои руки кое-как, чтобы увидеть их — обе руки окровавленные, как будто я кого-то только что убила. У меня вообще кровь не течет так сильно, она густая довольно, но тут просто обе руки в крови. Прошу снять наручники и дать влажные салфетки

из рюкзака. Они отвечают, что только после того, как опишут вещи. Одним глазом я пытаюсь понять, что случилось, откуда столько крови, а другим — смотрю на свои вещи, чтобы там ничего лишнего не оказалось, запишут ли телефон и наушники — довольно ценные для меня вещи.

Потом снимают все-таки с меня наручники. Прошу мента достать мои влажные салфетки из рюкзака, потому что я уже не могла это сделать — у меня просто кровь с рук стекала. Я им весь стол кровью замарала. Оказалось, у меня палец разодран чуть ли не до кости. Мне достали пачку влажных салфеток, я протерла руки. Там такая гора окровавленных салфеток. У меня истерика, слезы градом льются, я ничего не вижу, у меня в глазах двоится, троится, мне плохо. Мне дают опись на подпись, я не стала подписывать, потому что толком ничего не понимала.

И тут уносят рюкзак с моими вещами. Плакаты в опись не вписали: «Мы макулатуру не описываем». А мне обидно, сама же рисовала их. Я хватаю рюкзак рукой. Опись мне дали посмотреть мельком, я ничего не поняла. Четыре сотрудника полиции... Нет, не так — четыре бандита, которые надели на себя форму полиции и думают, что они могут все, начинают мой кулак разжимать. Они начинают мне заламывать палец. Я думаю: палец мне все-таки нужнее. Ну и отняли мою руку.

Говорят, надо снимать кольца с пальцев. А у меня руки опухли, давление поднялось. Я кладу руки на стол: «Снимайте!ломайте пальцы». У меня истерика уже.

Потом меня волочат в камеру, я схватилась за стулья. Это момент прострации, ты не соображаешь, что происходит. Какой-то ***** [ад] вокруг тебя. Они меня схватили вдвоем, пытаются оторвать от стульев.

Заводят в камеру, там Вася довольный сидит, он не знал, что надо требовать себе защиту и понятых. Я ему

предлагаю устроить митинг на двоих.

Ну и мы митинговали. Пытались добиться, чтобы нашего правозащитника допустили. Когда какой-то мент выходил [и открывал дверь отдела], мы видели ребят, стоявших в предбаннике, мы им кричали, что происходит. Другого контакта у нас не было.

Vera Oleynikova

Выпустили в туалет. Я хлопнула нечаянно дверью туалета, открывает дверь мусор: «Еще раз хлопнешь, твоя голова будет в унитазе». Что-то в таком духе. Я не могу это процитировать, потому что это такой мерзопакостный гопнический язык, я так не выражаюсь. Мне угрожали открыто, что мне сейчас и по лицу ударят — «будешь со своими друзьями так разговаривать». Первое время я очень культурно с ними [полицейскими] разговаривала, но когда они стали так по-хамски общаться, стала хамством на хамство отвечать.

Потом приняли передачку. Ну как приняли — пустили на территорию отдела. Ее отнесли к дежурной части. Мы сидим в обезьяннике, видим наши пакеты с водой и печеньками, я прошу воды. Я четыре часа не пила воду. Я болею. Просила дать мне воду, не их воду, а ту воду, которую мне передали. Они отказали, сказали, что сами все съедят. Я видела, как они рылись в моем рюкзаке, что-то там искали.

Около двух часов ночи Васю отпускают, а потом и меня. Я иду к дежурному просить протокол о доставлении и задержании. Он говорит, что протокола о задержании не будет. Я спрашиваю: «Я все это время была не задержанная?» Мы начинаем диалог о жизни, я пытаюсь воззвать к его совести, а он в ответ жалуется мне на тяжкую долю, какой он бедный и несчастный. Говорит, что им кто-то позвонил и приказал нас отпустить. Я спрашиваю кто, он отвечает: «Может быть, когда-нибудь узнаешь». Я там еще час просидела, написала заявление, требовала ксерокопии протоколов. В конце концов мне и Васе выдали обязательство о явке на 17 марта в отдел для составления административного протокола.

Я вышла из отдела полиции в три часа ночи. Мне максимально плохо. Я подумала, что надо снять побои и поехала в [НИИ скорой помощи имени] Склифосовского. Там мне делают рентген рук и компьютерную томографию мозга. Затем приходит врач и говорит: «Девушка, вы в обморок точно не падали? А должны были. Вас нужно госпитализировать на две недели». Я звоню маме, плачу, рассказываю, что меня кладут в больницу на две недели. Меня отводят в палату отделения нейрохирургии. Анализ не делают, таблеток не дают, сижу там до часу дня.

Очень хочется курить. Я выхожу на улицу покурить, выкладываю сторис в инстаграм. На нем говорю, что тут карантин, но при этом можно через служебный вход входить и выходить, доставщики еды спокойно ходят, не больница, а проходной двор. Через час приходит врач и заявляет, что меня выписывают за нарушение правил больница и карантина. Говорит, что им позвонили «из здравоохранения» и сказали, что я что-то выложила в интернет. Меня прям гордость пробрала: «из здравоохранения» меня читают.

Собираются меня выписывать, потому что я здорова. Я говорю, что хочу знать, что со мной. Мы с ним договариваемся дождаться завтра лечащего врача, сегодня воскресенье, договорились до понедельника подождать. Ночью мне стало гораздо хуже, я просыпаюсь и понимаю, что не могу встать, у меня дико болит спина, дико болит затылок, я руками не могу двигать, плечи болят, руки болят, все болит. Всю ночь меня тошнило.

Утром начинается осмотр больных лечащим врачом. В этот момент мне звонят из отдела полиции. «Вы сегодня должны явиться для составления протокола», — говорят. Я отвечаю, что я в больнице и не могу явиться, а также спрашиваю, откуда у них мой номер. Они отвечают, что им из Склифосовского поступила телеграмма. Бузят на меня.

Приходит лечащий врач и объявляет, что мне нужно сделать пункцию спинного мозга. Я перепугалась. Пункцию спинного мозга не делают просто так, если ты здоров, если у тебя какой-нибудь маленький ушиб. Проходит час и молодой мальчик, который был с врачом, — видимо, ординатор, или как они называются — приносит бумагу на подпись, что я согласна сделать пункцию и осведомлена о возможных последствиях: что я могу не встать и вообще умереть. Я подписываю. А буквально через пять минут появляется лечащий врач и говорит: «Девушка, слушайте, все нормально с вами, мы передумали вам делать пункцию, собирайте вещи, через два часа мы вас выписываем».

Я в принципе была готова к тому, что меня, скорее всего, оттуда попрут. Не потому, что я здорова, а потому что, конечно, был приказ свыше. Я понимаю, если на них надавят, меня лечить не будут, это бесполезно.

Дают мне выписной лист, в котором написано, что у меня брали анализ крови и все остальные анализы, сердцебиение такое-то, столько-то ударов в минуту.

В выписке написано, что я пострадала при задержании, ударившись об стену. Как будто я сама пошла и ударилась об стену. Хотя я называла адрес отдела полиции, и говорила, что там меня избили сотрудники.

Я пошла искать заведующего отделением. Садимся поговорить в ординаторскую, где куча врачей. Я ему говорю: «Вы подписали документы, в котором написано все, кроме правды». Он отвечает: «Вам все анализы сделали, просто вы не помните». Он говорит это на полном серьезе. При этом у него руки тряслись, когда он со мной разговаривал.

Я иду к лечащему врачу, точнее это не лечащий врач, а человек, которого я увидела однажды на 15 минут. Даю ему выписку, говорю, что у меня же на самом деле не брали анализы. Он говорит: «Это человеческий фактор, мы просто так везде пишем». Я говорю: «Вы у меня ни давление, ни пульс, ничего не проверяли, почему тут написано, что у меня давление и пульс такие-то? Язык у меня такого-то цвета, язык вы вообще не смотрели. Написали, что желудочный тракт у меня нормальный. Откуда вы все это знаете?» Он зубами поскрежетал: «Я вижу, сколько раз вы дышите в минуту, я опытный врач». И ехидно улыбается.

Я спрашиваю, кто же им позвонил. Он глазами захлопал, отвел их в сторону, руками зашевелил: «Никто, никто, никто». Не знаю как это описать, но он вел себя как человек, который врет, но который не умеет врать.

Я не могу утверждать, что им позвонили из отдела полиции. Но учитывая, что больница отправила телеграмму, можно заключить, что они общались. А полиции невыгодно, чтобы я лежала в больнице, а потом писала на них заявление.

Но я в этом уверена. На 99 процентов. Один процент оставляем на случай, если я резко выздоровела. А у меня

диагноз — закрытая черепно-мозговая травма, ушиб головного мозга легкой степени, перелом костей передней стенки лобной пазухи. Меня тошнит, мне плохо.

Я попросила перепечатать выписку, написать все заново с моих слов. Он согласился, ушел, а потом принес мне ту же самую бумажку, просто без некоторых строчек о том, что у меня брали кровь. «Вы же мне то же самое принесли», — говорю. Он отвечает, что ничего исправлять не будет и они меня вылечили, и подмигивает.

Я буду обращаться в другую больницу. К сожалению, на частную клинику у меня нет денег нет, но я постараюсь найти незаинтересованную больницу. И я буду жаловаться на действия полицейских, причинивших мне эту травму. Сейчас я ищу адвокатов.

По сравнению с сейчас вчера мне было относительно нормально еще, у меня был шок и я ничего не чувствовала, а сейчас мне очень больно. Голову держать на шее больно.

У меня не было умысла прикинуться больной, я прикидывалась скорее здоровой, потому что я хотела домой, к коту. Мне так неприятно от этих врачей. Я не отрицаю, что Склифосовского — одна из лучших российских больниц, но, скорее всего, им позвонили и сказали меня выписать, это очень плохо и неприятно.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

27.02.2026 Москва

В Москве в третий раз за неделю у здания Генпрокуратуры задержали пикетчицу из Северной Осетии